
А. М. СЕЛЕЗНЕВ

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ПРАКТИЧЕСКИ- ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОГРЕССИВНЫХ КЛАССОВ

Развертывание межформационной капиталистической общественно-экономической революции* как естественно-исторического процесса перехода от рентного (феодалного и азиатского) способа производства к капиталистическому, занявшему во времени (если датировать его начало рубежом XV–XVI вв., то есть открытием Америки и океанического пути из Европы в Южную Азию, и завершение – военно-политическим разделом мира между империалистическими державами к началу XX в.) значительный промежуток, заставляет нас рассматривать ее как революцию не только в материально-производственном и экономическом бытии общества, но и в его социально-политическом бытии. Ведь не случайно К. Маркс называл насилие и экономической потенцией, и повивальной бабкой истории, то есть включал политические, в особенности революционные, действия масс в причинно-следственную цепь всемирно-исторического процесса. Поэтому межформационную общественно-экономическую революцию в составе всех ее структурных элементов необходимо раскрыть не только как естественно-исторический процесс революционного перехода от низшей общественной формации к высшей, но и как общественно-практический процесс разрешения социально-политических и политико-правовых противоречий между заинтересованными и не

* См.: Селезнев, А. М. Всемирно-исторический процесс: общественно-экономические формации, цивилизации и межформационные революции // Философия и общество. – 2005. – № 2. – С. 18–38.

заинтересованными в таком переходе социальными группами, классами.

Дело в том, что функционирование человеческого общества как деятельность сознательных существ – людей – и соответственно развитие всего человечества в пространстве и времени не могут быть объяснены действием лишь не зависящих от воли и сознания людей сил. Общественные изменения большей или меньшей глубины происходят и в результате сознательной, преднамеренной деятельности. Диалектика естественно-исторических объект-объектных отношений здесь должна быть дополнена диалектикой общественно-практических – субъект-объектных отношений. Ни социальное противоречие, ни социальный скачок, ни социальное отрицание, ни любая другая категория диалектики общественного развития не могут быть поняты, если не брать во внимание специфику причинно-следственных зависимостей в общественной жизни, если не учитывать указанный двойственный характер социальной детерминации.

При рассмотрении межформационной капиталистической общественно-экономической революции как естественно-исторического процесса мы главный упор делаем на выяснении того, какой общественно-экономический уклад, прежде всего уклад хозяйства, становится тормозом общественного прогресса, а какой – его ускорителем. Именно это нас прежде всего интересует, рассматриваем ли мы какой-либо отдельный социальный организм, локальную цивилизацию или весь всемирно-исторический процесс. При этом мы отвлекаемся от того неоспоримого факта, что уже при переходе от первобытно-общинного строя к классово-антагонистическому, рентному строю в каждом регионе каждый родоплеменной союз или становящееся государство и цивилизация, вступая в отношения друг с другом, предстают не только как объекты, но и как субъекты международных отношений, и что внутри каждого возникшего государства и становящегося на путь социальной дифференциации родоплеменного союза идет ожесточенная борьба между прогрессивными и реакционными социальными силами за выбор пути развития, за методы осуществления назревших социальных преобразований. Все эти виды борьбы внутри страны и на

международной арене, как известно, порождают всевозможные социальные и национальные движения.

При рассмотрении же социально-политической революции как острейшей, но относительно кратковременной битвы прогрессивных классов за власть принимается во внимание не только объект революционных преобразований в стране и объективная историческая среда, с которой взаимодействует данный социальный организм, то есть сопредельные государства и родоплеменные союзы, но также субъект этих преобразований (прогрессивные классы, борющиеся с реакционными классами, защищающими старый строй) и субъективная – прогрессивная или реакционная – направленность действий тех или иных сопредельных родоплеменных союзов, государств и цивилизаций, содействующая или препятствующая осуществлению в стране прогрессивных преобразований.

В социально-политической революции, предполагающей высшую степень напряжения классово-борьбы, субъекту революционных преобразований всегда противостоит субъект контрреволюционный. В истории не раз случалось, что классы, проявившие революционную инициативу, в конце концов терпели поражение, и наоборот, классы, поднявшиеся на контрреволюцию, в итоге борьбы оказывались разбиты, а революционные силы брали верх. Оба указанных обстоятельства (специфика субъект-объектных и субъект-субъектных отношений в исходном моменте, ходе и исходе социально-политической революции) необходимо особо подчеркнуть, поскольку законы общественного развития действуют как законы собственной деятельности людей (они возникают и исчезают вместе с изменением людьми природных и социальных условий своей жизни).

Конкретно-исторические буржуазные социально-политические революции, совершаемые прогрессивными классами в границах отдельных государств и более или менее четко отграниченные во времени от дореволюционного и послереволюционного периодов, порождаются наличием в недрах рентного способа производства капиталистического уклада хозяйства и приводят если не к полной победе, то по крайней мере к серьезному укреплению позиций нового уклада хозяйства. Обратить внимание на утверждение позиций нового уклада хозяйства в результате общественно-практической революции чрезвычайно важно, так как эта черта ре-

волюции вполне определенно говорит о ее формационной направленности.

Ведущим субъектом, главной движущей силой социально-политических революций могут быть только те классы и социальные группы, которые в силу своего объективного положения в исторически определенной системе общественного производства заинтересованы в радикальной замене старого экономического, социально-политического и духовного строя новым.

При характеристике межформационной общественно-экономической революции мы хоть и не забываем о том, что и насилие в становлении нового уклада хозяйства является экономической потенцией, но делаем главный упор на существо объективных перемен в экономической, социально-политической и духовной сферах общественной жизни. При рассмотрении же социально-политической революции как практической классовой битвы отвлечься от всесторонней характеристики степени и способов использования насилия субъектом революционных перемен никак нельзя.

Если же практически-революционные преобразования, сколь бы глубоки они ни были и сколь бы широкие массы они ни вовлекали в свою орбиту (а настоящая революция предполагает массовое выступление низов общества), не выходят за рамки прогрессивных изменений в пределах локальной цивилизации, если они сводятся к продвижению лишь к высшей точке ее развития, к ее апогею, но не влекут за собой возникновение принципиально нового уклада хозяйства, то их с полным правом можно называть революционными сдвигами в общественном развитии, в частности в развитии данной цивилизации, и постольку революционными сдвигами во всемирно-историческом процессе, но это все же в строгом смысле еще не социально-политические революции.

Истории хорошо известны многочисленные революционные потрясения не только в отдельных социальных организмах, существовавших в локальных цивилизациях, но и в самих этих цивилизациях, начиная с древнеегипетской. Исторические документы, например, неопровержимо свидетельствуют о том, что существование Древнего, Среднего и Нового египетских царств заканчивалось массовыми народными революционными выступлениями. Так, в середине XVIII в. до н. э. в Египте происходит крупнейшее

восстание крестьян, ремесленников и рабов. Как сказано в одном из древнейших документов, «земля повернулась, как гончарный круг», потому что восставшие поселились в домах господ, надели их одежды, а господ заставили работать на себя.

Нечто подобное происходило и в китайской цивилизации, может быть, даже в более яркой форме. В истории Китая на протяжении двух тысяч лет несколько раз случалось так, что в результате крестьянской революционной войны был свергнут господствующий класс и вожди победоносного крестьянского движения ставили у кормила государства своих сподвижников. Но проходило некоторое время, сменялось одно или два поколения, и новый государственный аппарат полностью перерождался и вновь начинал выполнять те же угнетательские бюрократические функции, что и тот аппарат, который, как казалось победителям, был ликвидирован раз и навсегда. Дело в том, что в Китае, как и в Египте, внутренние и внешние обстоятельства – необходимость поддержания в надежном состоянии ирригационной системы, этой материально-технической базы китайского сельского хозяйства, и необходимость защиты населения от непрерывных набегов кочевников – заставляли сосредоточивать в одних руках всю верховную политическую власть и верховную собственность на землю, то есть сохранять в неприкосновенности азиатский способ производства. Всевластие государственной бюрократии вплоть до конца XIX в. было главным внутренним препятствием развития китайской буржуазии. В Китае, как и в других восточных цивилизациях, капиталистический уклад хозяйства первоначально был привнесён извне, насаждался европейским и американским капиталом. Неудивительно поэтому, что и эпоха буржуазной революции началась здесь на рубеже XIX–XX вв.

Классическим примером, иллюстрирующим невозможность превращения массового революционного социально-политического движения в подлинную социально-политическую буржуазную революцию в связи с отсутствием в стране капиталистического уклада хозяйства, служит выдающееся по своему историческому значению революционное движение в Чехии в начале XV в.

В самом деле, к этому времени чешское королевство находилось в ряду других королевств, княжеств, герцогств так называемой

Священной империи германской нации. Все эти королевства фактически представляли собой самостоятельные государства. На рубеже XIV–XV вв. наступил момент, когда все сословия чешского общества – феодалы и крестьяне, купцы и ремесленники, среднее и низшее духовенство – начали осознавать, что значительная и все более увеличивающаяся часть созданного трудом чешского народа богатства безвозмездно присваивается высшим духовенством, прежде всего римской курией, а также немецкими феодалами.

Освободиться от такого двойного гнета без борьбы было невозможно. В силу этого социальная борьба с самого начала приняла религиозную и национальную окраску. Идейным вдохновителем этой борьбы стал профессор Пражского университета Ян Гус, требовавший радикальной реформы церкви, в частности существенного ограничения власти римского папы. Как известно, проповедь Яна Гуса была признана еретической, его самого по решению церковного суда сожгли на костре. Эта мученическая смерть послужила сигналом к всенародному вооруженному восстанию. Гуситские войны длились с 1419 по 1437 г. С точки зрения расстановки классовых сил внутри революционного лагеря (правые, центр, левые), а также последовательности этапов развития революционного процесса столь мощный революционный взрыв содержит в себе почти все признаки социально-политической революции.

По общему правилу, революционное социальное движение угнетенного класса начинает формироваться задолго до начала социально-политической революции. На высшей ступени его развития, когда народ начинает осознавать безысходность своего положения в силу нежелания власть предержащих идти на уступки подвластным, в него вовлекается подавляющее большинство угнетенного класса, в связи с чем оно переходит к выдвиганию лозунгов, зовущих к прямым революционным действиям против отживших свой век порядков и защищающих их реакционных классов.

Чтобы стать полноценной буржуазной социально-политической революцией, гуситскому революционному движению не хватало самого глубинного – оно началось, когда в Чехии еще не сложился капиталистический уклад хозяйства, и даже в случае его победы можно было бы говорить о создании лишь более благоприятных условий для формирования такого уклада. Но, как известно, после

военного разгрома в 1437 г. наиболее революционного крыла гуситского движения таборитов (для чего пришлось мобилизовать буквально все вооруженные силы Германии) в Чехии были восстановлены прежние феодальные порядки.

Необходимо отметить еще одно важное обстоятельство в связи с гуситскими войнами. Они отнюдь не прошли бесследно для Европы или, точнее, для западноевропейской феодальной христианской цивилизации. Идеи гуситов в той или иной форме осмысливались и воспроизводились в революционных движениях Европы последующих двух веков. Гуситское движение было прелюдией Реформации – разностороннего революционного движения, развернувшегося уже в XVI в.

Поражение чешских гуситов, естественно, в какой-то мере затормозило поступательное развитие западноевропейской цивилизации, но тем не менее в целом она во второй половине XV в. продвинулась значительно вперед, прежде всего, с точки зрения роста ее производительных сил. Этот рост, вобравший в себя все важнейшие технические достижения не только западноевропейской, но и всех современных ей восточных цивилизаций, принял формы первоначального накопления капитала. Освобождение крестьян от крепостной зависимости, ограничение привилегий городских ремесленных цехов, государственное стимулирование частного предпринимательства создавали благоприятные условия для формирования капиталистического уклада хозяйства. Открытие Америки и морского пути в Индию благоприятствовало капиталистической экспансии во все уголки земного шара. В рамках западноевропейской феодальной христианской цивилизации началась межформационная общественно-экономическая революция всемирно-исторического значения – переходная стадия от рентного способа производства всех видов, прежде всего феодального, к капиталистическому.

Для осуществления этого перехода нужны были люди с другим складом мышления, не скованным жесткими рамками средневекового христианского мировоззрения. Таких людей подготовили и создали две хронологически отчасти следующие одна за другой, а отчасти переплетающиеся между собой эпохи – эпоха Возрождения (Ренессанса) и эпоха Реформации. Результатом этих двух ду-

ховных революций явилось полное или, если быть более точным, почти полное обновление взглядов средневекового человека (имеются в виду, конечно, передовые слои общества) на мир, прежде всего на окружающую его социальную среду, и на свое место в этом мире, в этой среде.

До начала эпохи Возрождения, а точкой отсчета здесь является ознакомление, а затем и овладение высотами античной культуры – философии, науки, искусства, мифологии, – средневековый человек находился во власти христианских догматов об извечной греховности человека, об аскетизме и умерщвлении плоти как единственно возможном способе существования и гарантированном пути к достижению райского блаженства. Эти догматы предписывали ему смотреть на существующий общественный строй как на предписанный богом и если и подлежащий какому бы то ни было изменению, то только в соответствии со Священным писанием и только в такой интерпретации, которая дается католической церковью, ибо эта церковь – «тело Христово».

Возрождение как принципиально новое духовное направление в противоположность христианскому поощрению аскетизма и принижению значимости земной жизни в качестве высшей ценности выдвигает именно земную жизнь, полную борений, страстей, наслаждений, удач, разочарований. Короче говоря, ведущей идеей эпохи Возрождения является гуманизм, возвышение личности живущего и в то же время смертного человека. Деятели эпохи Возрождения меньше всего обращали внимание на то, что древнегреческие философы признавали естественным деление общества на рабов и рабовладельцев, так как в большинстве своем рассматривали социальное неравенство как само собой разумеющееся. Их больше всего привлекала беззаветная преданность античных мыслителей истине, стремление согласовать нравственные отношения с разумом и разумными же доводами обосновать право человека на свободу в своей деятельности.

Большинство идеологов эпохи Возрождения в своих гуманистических идеях не выходили за рамки тех интересов, которыми руководствовалась нарождающаяся буржуазия, а именно интересов свободного предпринимательства, а следовательно и свободы эксплуатации. Тем не менее эта эпоха выдвинула и такого мыслителя,

который предпринял гениальную попытку соединить идею гуманизма с идеей обеспечения всех людей таким уровнем благосостояния, который бы делал их подлинно свободными, то есть социально защищенными от эксплуатации и в этом смысле социально равными. Это был Томас Мор. Его знаменитое произведение «Утопия» положило начало развитию социалистической мысли. Нам представляется, что К. Маркс в своей критике казарменного коммунизма в значительной мере опирался на трактовку гуманизма у Томаса Мора.

Одним из направлений деятельности мыслителей эпохи Возрождения являлось стремление подвергнуть христианское вероучение, начиная с Ветхого и Нового завета и заканчивая постановлениями Вселенских соборов и энцикликами Папы Римского, анализу с точки зрения разума и с точки зрения соответствия деятельности католической церкви в XV в. христианскому вероучению. Благодаря книгопечатанию откровенно рационалистические научные изыскания деятелей Возрождения, собственно говоря новой, в основном светской интеллигенции, получили широкое распространение. У массового читателя их продукции, а это были в основном горожане, все шире открывались глаза на неприглядную роль католической церкви в жизни, и все больше нарастал протест против политики, которую проводила папская курия.

Этот протест нашел свое теологическое обоснование в учениях таких выдающихся мыслителей, как Лютер, Цвингли, Кальвин. Эти мыслители в своих взглядах не заходили так далеко, как Николай Кузанский (XV в.) или Эразм Роттердамский (XVI в.), от сочинений которых веет свободомыслием и при ознакомлении с которыми невольно приходят на ум атеистические идеи. Нет, они оставались ревностными христианами, тем не менее в своей преданности христианству как единственно истинной, с их точки зрения, вере доходили до призыва не признавать папу римского как наместника Иисуса Христа на земле, признать единственным источником откровения Священное писание, а внутреннюю личную веру – единственным путем «спасения». В социально-экономическом отношении чрезвычайно важное значение имела проповедь личного преуспеяния как вернейшего доказательства высокой оценки богом деятельности человека в его земной жизни (это, собственно говоря,

была проповедь буржуазного индивидуализма, облаченная в христианскую фразеологию), а также призыв реформировать церковь по образцу демократически организованных христианских общин. Этот призыв имел в ту пору революционное значение, так как объективно был направлен на обоснование необходимости свержения феодальной монархии и организации политического устройства республиканского типа.

Реформация как идейное и политическое движение ведет свое начало с конца XV – начала XVI в., а как политическое общеевропейское движение она длится вплоть до победы Английской революции XVII в. В своем развитии она прошла ряд важнейших этапов: немецкая буржуазная революция начала XVI в., высшим проявлением которой явилась Великая крестьянская война 1525–1526 гг., швейцарская революция 1523–1586 гг., Нидерландская революция 1566–1609 гг., наконец, Английская революция 1640–1660 гг. Нельзя пройти мимо того, что Реформация во всей Европе вызвала ожесточенное сопротивление феодальной реакции и прежде всего самой католической церкви. В исторической науке оно получило название Контрреформации. Это сопротивление в ряде стран победило. Кальвинисты потерпели поражение во Франции в ходе длительной гражданской войны; в памяти французов надолго осталась знаменитая Варфоломеевская ночь, то есть резня кальвинистов, устроенная католиками в Париже в 1572 г. По инициативе вдохновителей Контрреформации с 1618 по 1648 гг. в Германии длилась кровопролитная так называемая Тридцатилетняя война, отбросившая страну на десятилетия назад и надолго разделившая ее на лютеранский север и католический юг.

Но если подвести общий итог противостояния Реформации, то есть антифеодальной духовной и социально-политической революции, проходившей в рамках западноевропейской цивилизации с начала XVI в. по середину XVII в., и Контрреформации, то в целом он оказался в пользу Реформации. Благодаря ей западноевропейская цивилизация в значительной степени превратилась из феодальной в капиталистическую. Даже в тех европейских странах, где Реформация потерпела поражение, прежде всего во Франции, капиталистический уклад хозяйства, тем не менее, продолжал укреп-

ляться, хотя и значительно медленнее, чем в Швейцарии, Нидерландах и Англии.

Не подлежит никакому сомнению тот факт, что Английская буржуазная революция 1640–1660 гг. имеет всемирно-историческое значение. Беспристрастный научный анализ показывает, что после нее развитие капитализма приняло необратимый характер. Это доказывается хотя бы тем, что оставшаяся феодальной Франция в течение XVII–XVIII вв. была главной соперницей Англии на международном рынке главным образом потому, что своей экономической политикой поддерживала собственную буржуазию. В большей или меньшей степени элементы союзнических отношений со своей буржуазией поддерживали и правительства других европейских стран. То было веление времени, игнорировать его означало скатиться в разряд второстепенных и третьестепенных государств.

Не случайно, а вполне закономерно именно в Англии в конце XVIII в. капиталистический уклад хозяйства, освобожденный от экономических и политических пут феодализма в результате победы буржуазной социально-политической революции середины XVII в., смог породить органическую потребность в техническом изобретательстве и в использовании науки в целях совершенствования промышленного производства, с которых, собственно, и началась та радикальная всемирно-исторического значения перестройка, которую принято называть промышленной или индустриальной революцией.

Но при этом следует добавить, что необратимость капиталистического развития на ближайшие 150 лет была обеспечена лишь в экономической сфере, в сфере же политики дело обстояло сложнее. В большинстве стран западноевропейской цивилизации формой государственного правления являлся абсолютизм, то есть власть класса помещиков, осуществляемая бюрократическим аппаратом, возглавляемым монархом, который соединял в своем лице законодательную, исполнительную и судебную власть.

До поры до времени европейская буржуазия терпела абсолютизм, но рано или поздно этому терпению приходил конец. Абсолютизм становился невыносимым из-за произвола и беззакония своей бюрократии, игнорирования коренных интересов буржуазии. Разве французской буржуазии было не обидно, что англичане тер-

нят ее на мировых рынках благодаря механизации своей промышленности, тогда как Франция все еще переживает мануфактурный период? Поэтому на абсолютизме сосредоточилась критика всех прогрессивных элементов общества. Но эта критика носила уже существенно иной характер, чем та, с которой начиналась заря буржуазной революции, а именно Реформация.

Знаменательно, что, когда в конце XVII в. из Франции изгоняли последних гугенотов, то есть потомков тех французских кальвинистов, которые потерпели поражение в борьбе с французской Контрреформацией в конце XVI в., как раз в это самое время занималась заря эпохи европейского Просвещения, лидирующую роль в котором играли в XVIII в. именно французские просветители. Критику сохранившихся во Франции феодальных порядков на этот раз вели уже не с позиций «истинной» христианской веры, а с позиций разума, с позиций достижений общественной науки, обобщения и осмысления опыта Реформации, но в особенности опыта Нидерландской и Английской революций.

Монтескьё сформулировал важнейшие принципы либерализма: верховенство закона, разделение властей и др. Руссо выдвинул принцип народовластия, равенства, братства. В лозунгах французских революционеров можно узнать идеи, выстраданные целым поколением европейских просветителей XVIII в. Уже во время революции в лозунгах жирондистов легко узнаются основные идеи того же Монтескьё, а в лозунгах якобинцев – идеи Руссо.

Историческое значение Великой французской революции 1789–1794 гг. огромно. Ни одна буржуазная революция в Европе не смела со своей территории пережитки феодализма с такой решительностью, как эта. Ни одна буржуазная революция не имела такого всеобщеевропейского значения: она вышла за рамки Франции, вдохновила революционными победами не сотни тысяч, а миллионы европейцев. Вне всякого сомнения влияние французских революционеров, прежде всего якобинцев, на марксистское рабочее движение. Опыт якобинцев был широко использован большевиками в 1917–1921 гг.

В то же время бросается в глаза, что революция, затронувшая буквально все страны европейской цивилизации и вызвавшая в них – в качестве ближайшего или отдаленного следствия – весьма

значительные изменения, является фактически революцией в рамках всей европейской цивилизации. Конечно, общеизвестен факт, что революционные войны при Наполеоне превратились в захватнические. Но вот что любопытно: нанеся поражение Испании и Португалии, Наполеон косвенно оказал услугу революционной борьбе народов Латинской Америки. После наполеоновских войн ни Испания, ни Португалия не смогли надолго удержать под своей властью колонии в Центральной и Южной Америке.

Хотя после поражения Наполеона в 1812–1814 гг. абсолютистские монархии вновь восстановились, но многие из них, и прежде всего французская монархия Бурбонов, были в значительной мере по своему характеру не столько феодальными, сколько буржуазными. Это означало, что после Великой французской революции капитализм и в политическом отношении стал необратим. А это имело громадное значение для стимулирования индустриальной революции во всех европейских странах.

Собственно говоря, после окончания наполеоновских войн началось, в подлинном смысле слова, победное шествие индустриальной революции по всему миру. Индустриально развитые Англия и Франция без больших усилий нанесли поражение крепостнической России в Крымской войне 1854–1855 гг., что послужило предюдием отмены крепостного права в России. Правительство США в 1850-х гг. заставило Японию путем военной угрозы принять униительные для нее условия торговли, что ускорило проведение в Японии радикальных буржуазных реформ, вошедших в историю. В меру успехов индустриальной революции капиталистический уклад хозяйства в европейских странах превращался в господствующий способ производства, тем самым межформационная капиталистическая революция завершалась, на передний план выходили задачи дальнейшего прогресса человечества, но уже в двух ипостасях: капиталистической и социалистической, что объясняется вступлением в ходе промышленного переворота на историческую арену индустриального рабочего класса и организованного социалистического движения.

Подчеркивая всемирно-историческое значение Великой французской революции 1789–1794 гг., в то же время мы ни в коей мере не намерены принизить историческое значение предшествующей

ей другой буржуазной социально-политической революции, а именно Североамериканской революции 1775–1783 гг. Эта революция прошла под знаменем Просвещения. Ее победа сыграла громадную стимулирующую роль в развертывании революционной борьбы народных масс во всех странах западноевропейской цивилизации. Конституция США и принятая конгрессом Декларация прав человека и гражданина были использованы в качестве образца не только французами, но и другими народами на всех континентах. Характерно, что результатом этой революции явилась первая внушительная победа над буржуазной Англией, создававшей в это время обширную колониальную империю, но одновременно стимулировалась колониальная экспансия против индейцев, сохранялось и даже укреплялось рабовладение в южных штатах США. Только вторая социально-политическая революция в США, вошедшая в историю под названием Гражданской войны 1861–1865 гг., полностью ликвидировала рабовладение в южных штатах и открыла простор индустриальной революции, тем самым вывела США в число ведущих капиталистических стран европейской цивилизации.

Важнейшей особенностью начального этапа межформационной капиталистической революции в странах восточных цивилизаций, прежде всего арабо-мусульманской, индо-буддийской, китайско-конфуцианской, явилось не столько торговое, сколько насильственное вторжение западноевропейского, а затем и американского капитала. Конечно, это происходило по-разному в политически самостоятельной Османской империи, английской колонии Индии, полуколониальном Китае и других странах. Но проходило время, и уже на базе местного капитала появлялась национальная буржуазия. По мере обострения противоречий местного капитала с иноземным складывалось национально-освободительное движение, которое при определенных условиях приобретало черты социально-политической буржуазно-демократической революции. Знаменитое Тайпинское восстание Китае в 1840-х гг. против маньчжурской династии и иноземных захватчиков потерпело поражение главным образом потому, что в Китае еще не сложился капиталистический уклад хозяйства и не было ни национальной буржуазии, ни пролетариата в собственном смысле слова. Первая буржуазно-

демократическая революция, так называемая Синхайская революция, свергнувшая маньчжурскую династию, победила в 1911 г.

Здесь опять-таки следует подчеркнуть, что, поскольку к началу XX в. сложилась мировая система капиталистического хозяйства и появилась возможность союза трудящихся колоний с пролетариатом развитых капиталистических стран, одновременно возникла и альтернатива: социально-политические национально-освободительные революции могли начать свой путь, идя или проторенным буржуазно-демократическими революциями путем, или путем революций, идейно ориентированных на социализм.

Подъем революционной национально-освободительной борьбы во всех колониально зависимых странах в первой половине XX в. явился наглядным доказательством того, что межформационная капиталистическая революция, начавшаяся в XVI в. как революция внутри европейской цивилизации, превратилась в революцию во всех других локальных цивилизациях, в революцию всей земной цивилизации.

Сказанное относительно социально-политической революции как предметно-чувственной практически-преобразовательной деятельности людей, направленной на ускорение процесса перехода от низшей формации к высшей, на ускорение межформационной общественно-экономической революции, дает возможность увидеть, на наш взгляд, некорректность нередко употребляемого в нашей литературе термина «внутриформационная революция». Этот термин появился не случайно.

В прошлом – в 1930–1970-е гг. – в учебных пособиях, как правило, не обращали внимания на субординацию межформационной капиталистической революции с буржуазной социально-политической революцией. Для доказательства того, что социальная революция является рубежом между феодальной и капиталистической формациями, считалось достаточным указать на Великую французскую революцию 1789–1794 гг. Она рассматривалась одновременно и как капиталистическая, и как буржуазная. Еще более убедительным казалось отождествление социалистической революции с пролетарской; достаточно было указать на Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Совершенно упускалось из виду, что для капиталистической и социалистической революций как

межформационных революций требуется значительно больший период времени, чем для буржуазных и пролетарских социально-политических революций. В обыденном сознании такое отождествление закрепилось, к сожалению, не без влияния одностороннего, в сущности, сталинского толкования революции исключительно как сознательного одноактного перехода от одной общественно-экономической формации к другой.

В свете сказанного относительно внутриформационной революции становится ясно, что этот термин может употребляться лишь для обозначения социально-политических революций. И тогда возникает вопрос: как совместить признание преимущественно эволюционного характера развития формационной стадии с точкой зрения о субординации между понятием «межформационная общественно-экономическая революция» и понятием «социально-политическая революция». Но субординация нарушается, как только мы начинаем рассматривать понятие революции в плане субординации общества. Вот тут-то и возникает иллюзия внутриформационного характера социально-политических революций.

Конечно, когда мы рассматриваем революцию одновременно и как процесс, и как продукт жизнедеятельности общества, мы не можем игнорировать то обстоятельство, что революция одновременно является и моментом его функционирования, и моментом его развития. Не переживая периодически революций, жизнестойкое общество не может функционировать, не может поддерживать себя как систему в состоянии динамического равновесия. Представить себе общество в виде только эволюционных изменений – это значит представить его в состоянии перманентного застоя.

И в этом смысле напрашивается вопрос: почему бы нам свержение фашистского режима Петена во Франции в 1944 г. в ходе Второй мировой войны не называть внутриформационной социально-политической революцией? Аналогичные соображения напрашиваются и при рассмотрении социально-политических сдвигов, происшедших в побежденных фашистской Германией и милитаристской Японии. То есть в условиях, когда в принципе экономические задачи межформационной капиталистической общественно-экономической революции были решены, оказалось,

что ее политические задачи остались нерешенными. Свержение режима Петена во Франции – это все еще складывание межформационной капиталистической революции как революции комплексного, всеобъемлющего преобразования общества.

Таким образом, как только мы начинаем рассматривать эти радикальные изменения в контексте формирования французского, германского, японского и любого другого западного капиталистического общества, то обнаруживается, что разгром фашизма, милитаризма и т. п. в результате победы союзников в 1945 г. является не чем иным, как восстановлением и завершением того, что было завещано Великой французской революцией, а именно свобода от всяких видов угнетения личности. Иными словами, мы вынуждены признать, что в духовной, политической и правовой сферах межформационная революция, начатая эпохами Возрождения и Реформации, все еще, как это ни парадоксально, продолжалась и в середине XX в. и продолжается по сию пору.